

*ВОРОТИЛИН Александр Григорьевич, аспирант кафедры истории философии института философии Санкт-Петербургского государственного университета**

ЭСТЕТИЗАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА

Статья посвящена проблеме рецепции понятия эстетизации в актуальной философской традиции конца XX века. Многомерный процесс эстетизации субъективной реальности, в пределе понимаемый и как отображение, и как упорядочение элементов общественной жизни отдельным сознанием сквозь призму искусства, возрастающая автономия среды собственно эстетического, виртуализация действительности – все это явилось предметом рассмотрения практически всех существующих направлений философской мысли, что обусловило возникновение значительного количества схем идейно-терминологического постулирования его оснований. Об актуальности затрагиваемой проблематики свидетельствует и развернувшаяся в последние годы активная полемика, привлекающая внимание широкого круга интеллектуальной общественности. В отечественной научной публицистике проблематика эстетического и расширение пределов его дисциплинарного осмысления освещены недостаточно полно, однако ситуация постепенно меняется. Выработка однозначного суждения относительно аксиологической значимости эстетизации также представляется затруднительной ввиду множественности одинаково компетентных трактовок процессуальной сущности описываемых событий представителями различных исследовательских традиций, усматривающими различные же основания и итоги происходящего. Познавательный ракурс анализируемых подходов можно условно разделить на две части: фокусировка на «эстетизации извне», т. е. совокупности явлений и процессов жизненного мира субъекта, оказывающих имплицитное влияние на его экзистенцию, и «эстетизации изнутри», т. е. изменениях в структуре чувственности и рациональности субъекта и его деятельности сообразно сформировавшимся представлениям. Целью настоящего исследования выступает аналитическое рассмотрение структур индивидуальной чувственности, производимое с различных теоретико-методологических позиций (прагматизм, литературная критика), объединенных метапарадигмальной близостью компаративным принципам актуальной научности, предоставляющих возможность комплексного осмысления новейших трансформаций эстетического компонента субъективности, установления концептуальной преемственности в оценке наблюдаемых явлений.

Ключевые слова: философия постмодерна, «эстетизация извне», «эстетизация изнутри», субъективная реальность, индивидуация.

*Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; e-mail: alvo09@mail.ru.

Для цитирования: Воротилин А.Г. Эстетизация субъективной реальности в философии постмодерна // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2016. № 6. С. 75–81. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.75.

Состояние идейного многообразия, столь характерное для эпохи постсовременности, на настоящем этапе развития цивилизации утратило характер разрозненной совокупности различных типов общественного мировосприятия. Масштабный ценностный переворот в сознании современного человека, а также бурный рост медиатизации пространства его публичного обращения открыли колоссальные возможности как для выражения и трансляции собственного мнения субъектом данной реальности, так и для изменения текущего положения вещей последним в соответствии с настоящими убеждениями. Организация жизни согласно эстетическим критериям неизбежно приводит к появлению предсказанного еще Ницше нового типа личности – «Хомо эстетикус», виртуоза в «чувстве возможного» и виртуализации, характеризуемого развитой культурой чувственности, вымысла, воображения, креативности, эмотивности и в то же время исторически десубстанционализированного.

Исчерпывающее определение данному процессу, получившему наименование эстетизации, дал немецкий философ Вольфганг Вельш, в работе «Разрушение эстетики» (1997) писавший: «В пределе эстетизация сознания означает, что мы не видим больше первых или последних оснований сущего; скорее, реальность представляется результатом процесса, который раньше был знаком нам лишь в сфере искусства – она сотворена, изменчива, необязательна, беспочвенна и т. п.» [1, с. 8]. Экспансия эстетического начала в структуры повседневности порождает явления, находящиеся по большей части негативный отклик в сознании субъекта. Так, характеризуя современность, другой теоретик постмодерна, Ж.-Ф. Лиотар, отмечал: «Мы не испытываем недостатка в словах, критикуя присущую нашей культуре эстетизацию: инсценировка, сенсационность, медиатизация, симуляция, гегемония артефактов, засилие мимесиса, гедонизм, нарциссизм, самодостаточность, самоаффектация, самоустроение – несть им числа. Все они свидетельствуют об утрате

объекта и о превосходстве воображаемого над реальностью» [2, с. 87].

Носителем эстетического переживания вне прежних институциональных границ (главным образом сферы искусства), по Лиотару, является *anima minima* – минимальная душа, актуализирующая существование субъекта столкновением с эстетическим «присутствием» медиально-семиотических репрезентаций реального. Замкнутая в самой себе индивидуальность, таким образом, единственно предоставляет возможность рассмотрения эстетизации отчужденности лишь в модусе его динамического своеобразия.

Не принимая во внимание отсутствие всецелой произвольности культурной инициации субъекта (внешняя детерминация условий «включенности» в мироздание, конкретно-исторические предпосылки формирования личности) и не вдаваясь в рассмотрение собственной ценности факта такого рода включения, сосредоточив внимание непосредственно на «кипящем слое» осознанного культурогенеза, свидетельствующего о свободе «автономных» притязаний духа, чье эстетическое преобразование будет в свою очередь рассмотрено в исследовании пространства литературы и феномена авторства.

Фиксированный информационный заряд произведения искусства в новейшую эпоху заменяется бесконечной цепью ассоциаций индивидуального размышления «вместе с» настоящим феноменом эстетической реальности, переходом от отрешенного классического канона сюжетного репрезентирования творческих импульсов к артикуляции частного, в известной мере семиотически-неукорененного, «детрадиционализованного» впечатления качественно иного характера. Упорядочение же культурного горизонта есть пример наиболее полного исполнения авторского замысла по сложению имплицитной «истины намерения» и наличествующей извне «истины реальности» в полностью подчиненном дискурсе «фундаментально-литературного проекта».

Не останавливаясь на рассмотрении наиболее очевидной и объемлющей максимы субъективной индивидуации вообще как «одиначества

мирского», которое, по выражению М. Бланшо, есть, «само собою, рана»¹, остановимся на рассмотрении наиболее ярких проявлений данного феномена – в литературном творчестве и искусстве. Разумеется, в случае рассмотрения подлинно идиосинкратической личности сколько-нибудь точная типологизация затруднительна, однако возможно схематическое рассмотрение механизмов раскрытия фенотипа «отчужденного субъекта» во взаимозависимости «мир – индивид» как аутентификации либо отчуждения одного из звеньев данной цепи.

В современной науке проблема постулирования оснований упомянутых процессов эстетической автономизации, исследования ее собственных экзистенциальных метаморфоз в контексте современного культурно-исторического развития по-прежнему актуальна; коль скоро очевидна ее смысловая обусловленность тенденциями универсально-человеческого существования, целесообразно нахождение возможных способов их комплексной дескрипции. Непосредственным материалом настоящего исследования служат работы представителей англо-американской постаналитической традиции (Р. Рорти) и французской постмодернистской литературоведческой критики (М. Бланшо), утверждающих опыт эстетического переописания реальности в пространстве субъективной наррации и позволяющих достаточно детально реконструировать ход эволюции научной мысли по данной проблематике.

Непосредственным выразителем тенденции эпистемической конверсии от типовых стандартов отвлеченно-всеобъемлющего, сциентистского теоретизирования к опыту субъективной гносеологической наррации стал Ричард Рорти, подвергший критическому переосмыслению аналитические концепции субъективности. Протестуя против утверждения философией своего рода собственного «фундаментально-

законодательного» определения как обладающей характеристикой исключительного права на дескрипцию реальности, Рорти указывает на фактическое отсутствие функциональных преимуществ ее методологического аппарата перед другими направлениями литературной деятельности (поэтическими и критико-аналитическими), ориентирующихся на те же коммуникативно-образовательные цели. Рорти полагает возможность кардинального переосмысления данного традиционно-картезианского представления о философии как инстанции, дающей строгое отображение «зеркала природы» объективной реальности. Стремление к обретению некоторой всеобщей «искупительной истины», которая только и есть «некая подлинная реальность за видимостью явлений, что есть одно истинное описание всего существующего и случающегося, один главный секрет и одна окончательная разгадка»², являлось отличительной чертой предшествующей, «метафизической», эпохи.

Достижение такой подлинности здесь (в хайдеггеровском смысле) «означает видение альтернативы тем целям и смыслам жизни, которые большинство людей принимает без критики, как единственно данные, и сделать свой выбор из увиденных альтернатив – тем самым, до некоторой степени, самостоятельно создав самого себя»³. Отвергая классическую теорию истинности, Рорти предлагает заменить ее постпозитивистской когерентной теорией как соответствием нормативным утверждениям некоторой языковой игры, действующей в определенной социоисторической общности. Соотношение субъективного и общественного модусов достоверности всякого суждения как необходимая динамическая составляющая собственно процесса коммуникации определяется понятием конвенциональной «солидарности» различных же точек зрения на предмет межиндивидуального сообщения.

¹Бланшо М. Пространство литературы. М., 2002. С. 12.

²Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопр. философии. 2003. № 3. С. 31.

³Там же.

Морфологические и функциональные различия убеждений, причастных различным сферам человеческого существования, несущественны, поскольку генотипически одинаково являются свойствами элементов когнитивно-описательной деятельности. Рассматриваемое с точки зрения лингвистической определенности некоторое сообщество Р. Рорти определяет единственным фактором существования целостных систем нормативно-поведенческих практик. Прежнее понятие автономии объективной реальности оказывается фактически элиминированным. Субъект когнитивной наррации (научно-философской и поэтической) не способен выйти за пределы некоторого конкретно-исторического континуума; позиция исследователя, таким образом, оказывается определенно-топологически обоснованной условиями ситуационной применимости.

Описывая процесс рассмотрения творчески-познавательной деятельности, нельзя не упомянуть еще одно осевое понятие настоящего рассуждения – «случайность». Как указывает сам Рорти, «старые метафоры постоянно мертвеют в буквальности, а затем служат платформой и фоном для новых метафор. Такая аналогия позволяет нам мыслить “наш язык”, то есть науку и культуру Европы XX века, как нечто сформировавшееся, как результат множества чистых случайностей. Именно случайность воспроизводит человека как неповторимое явление, ориентируя личность на постоянное самосозидание, дарующее относительное преодоление превратностей внешних обстоятельств. Наш язык и наша культура являются в той же степени случайностью, в какой является возникновение, например, орхидей или антропоидов в результате тысяч небольших мутаций (и вымирания миллионов других созданий). Чтобы принять эту аналогию, нам <...> необходимо рассматривать научные революции как “метафорические переописания” природы, а не как постижения внутренней сущности природы (*nature of nature*)»⁴.

Признание и «культивация» случайности некоторого творческого акта в данном контексте в значительной мере оспаривается тенденцией к преодолению последней, дуальности «созидания-консервации», поэтической и философской парадигм. Однако множество разнообразных лингвистических практик есть собрание механизмов раскрытия именно тех эстетических форм, в которых только и эксплицируются разнообразные морально-этические диспозиции индивидов. Подобное же сосуществование различных лингвистических парадигм несколько не противоречит здравому смыслу, коль скоро неоднородны сами семиотические отображения, «символический субстрат» применения различных языковых единиц.

Еще один узловый пункт рортианского рассуждения – введение фигуры ироника. Рорти определяет ироника как удовлетворяющего трем условиям: 1) радикальное сомнение в конечном словаре, используемом в настоящее время, под воздействием иных словарей, принимавшихся за окончательные другими субъектами реальности; 2) признание невозможности подтверждения либо разрешения вышеуказанных сомнений аргументами его настоящего словаря; 3) отсутствие иллюзий большей близости собственного словарного запаса к реальности или некоторой инородной структуры описываемой реальности, т. к. выбор между словарями совершается не внутри нейтрального и универсального метасловаря и не через усилия пробиться через явления к действительности, а просто в разыгрывании нового против старого. Людей подобного рода, осознающих факт аксиологической детерминации наблюдаемых явлений стратегиями их переописания, Рорти и называет ирониками. Отказ последних от попытки сформулировать критерий выбора между конечными словарями ставит их в позицию, «которую Сартр назвал “мета-устойчивой”»: они никогда не способны принимать себя всерьез, потому что всегда сознают, что термины самоописания всегда подвержены изменениям,

⁴Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996. С. 37.

они всегда сознают случайность и хрупкость своих конечных словарей, а значит и самих себя»⁵.

Именно разукрупнение дескриптивного канона переописания множественных элементов отдельного дискурса как деятельность иронического сознания в противовес критической аналитике отдельных значений есть обращение от сциентизации морали к проблематике эстетического. Основным политическим намерением применения такого рода диспозиций является допущение свободы выражения некоторого убеждения. Подобные «частноутвердительные» теории, развиваемые без опоры на универсально-метафизические постулаты и подкрепляемые исключительно утверждением собственной субъективной состоятельности, являются основой рождающихся новых сообществ, освобожденных от многих цивилизационных проблем предыдущих эпох. Однако в конечном счете немногочисленные приватно-иронические установки не дают возможности (и, собственно, идеи) влияния на структуры общественной чувственности, исключая обосновывающий последние компонент солидарности общераспространенных суждений.

Идейная взаимоотчужденность автономных субъектов в поле коммуникации порождает разобщенность уже прямо эстетическую, разделяющую реальность целостного предмета творческой активности на «моральный» и «эстетический» аспекты его содержания, напрямую определяющие дальнейшую участь настоящего артефакта с точки зрения воспринимающего сознания. Превратное истолкование исходных замыслов, заключенных в «словаре» (т. е. некотором целостном знаково-семантическом континууме, в который погружен и которым оперирует отдельный человек или отдельная социальная группа) настоящего произведения, понимаемое как «смещение поиска автономии с потребностью в отдыхе и удовольствии»⁶, вкуче с естественными проявлениями

процессов художественно-эстетической индивидуации становится причиной характерной «склонности к жестокости, содержащейся в самих поисках автономии».

Субъективизм авторской позиции, подчас чрезмерно натурализованный, оказывается инструментом разграничения истинного и ложного смыслов (в форме демонстрации внешней жестокости социальных практик и институтов, а также самих источников и природы индивидуальной жестокости). Исключительно с его помощью возможно подлинное знание принципов общественно-исторической экзистенции как формирующегося под воздействием случайных обстоятельств и созданного свободным человеческим выбором образования (принцип солидарности), а также сепарации представлений о последнем в отличие от понимания области личного, что позволяет всякому субъекту существовать в параллельных дискурсах «иронического» и «либерального».

Примечательно, что подобную трактовку закономерности текстуальной автономизации произведения литературного искусства можно обнаружить у французского мыслителя Мориса Бланшо в работе «Пространство литературы». Собственно творение здесь подразумевается не как пребывающее в процессе развития средоточия идей создателя, а некоторое отграниченное от последнего образование, хотя и семантически связанное в раскрываемом пространстве настоящего произведения с его экзистенциальными смыслами. В этом отношении писатель «поставлен отдельно» от своего произведения, а по завершении – «отставлен». «То, что имеет в виду писатель, – это творение, а то, что он пишет, – книга»⁷. «Огороженное место бесконечного труда», на протяжении всей жизни осваивающееся писателем, нечто незавершаемое и непрекращающееся ввиду предшества самому данному слову и препятствующее его прерыванию, лишает возделывающего

⁵Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. С. 103.

⁶Там же. С. 184.

⁷Бланшо М. Указ соч. С. 14.

его способности к самовыражению, звучащему «Я». В этом и заключено сущностное одиночество пишущего.

Деперсонализованное безмолвие, безусловная «зачарованность безвременьем» отображаемого, отнимает способность сколько-нибудь определенного смыслонаделения, «изымает себя из посюсторонности мира»⁸, окончательно замыкая дух в самом себе. Пишущий преодолевает связанные с обетом трудности, к каковым относится, к примеру, выход в пространство прочтения. Язык повествования – «сущностное слово», обнажающее глубинную связь сказываемого с авторским самоотречением, это «возврат к собственной сути» слов, сущему (и одновременно ничему), ими творимому. Слово возводит вещь в ранг не-бывшего и само исчезает, оставляя создателя заботой об истоке творения, не удостоверенного в прототипических соответствиях реальных объектов изображаемым, и в то же время само являясь сознательно сгенерированным антиподом жизни деятельной, «отсутствием объекта» и аллюзий на него. Творчество не проистекает из наблюдаемых явлений внешнего, оно – скорее непреложное истечение к «усредненным явлениям миру» и потому вновь оказывается «нигде».

Однако не так легко дается отречение, взятое на себя художником. Стремление к сохранению хотя бы части собственной личности есть драма «прорыва к трансцендентному» основанию акта творения. Но аннигилирующая суть как таковая открывается лишь во время сочинения, волевая инициация которого есть внешний опыт начала, ускользающий в момент соприкосновения с единым безначальным Словом, порожденным «неведением» начавшего созидать. Это инобытие «сущностного одиночества» как артикулированное выражение «отстраненности от» в экзистенциальном плане

суть одновременно ощущение чего-то стоящего «за мной», что вынуждает меня скрывать это в себе и что подчеркивает мое нахождение вовне настоящей реальности и одновременно обнаружение самого небытия как причины отграниченности. Коммуникация, основанная на отделенности как орудии, невозможна, но полагание ее факта как способности свободной модуляции способа своего бытия сулит будущее дальнейшему одинокому существованию, она суть условие актуализации произведения и знак обособленности авторского начала. Бытие сокрытое, в недостаточности внешнего обнаружения бытия субъекта приобретающее собственную сущность бытия вообще, – отчужденное «привидение».

Охарактеризовав некоторые подходы к оценке явлений эстетизации современности, можно утверждать, что вне зависимости от трактовки истоков наблюдаемой событийности практика эстетического обращения к повседневности требует значительного концептуального осмысления. В условиях последовательного усиления художественных принципов мышления, использования неформализуемого эстетического опыта в организации субъективной экзистенции и разрушения границы между рациональностью (в строго новоевропейском смысле) и искусством именно «пространство литературы» как сформировавшаяся на некоторых лингвистически-конвенциональных основаниях среда художественно-выразительного обнаружения интенций индивидуального сознания выступает инстанцией утверждения качественно новой системы принципов социальной и личностной инкультурации субъекта нового типа, одновременно являясь вызовом и следствием изменения конкретно-исторических реалий его сущностной определенности.

⁸Бланшо М. Указ. соч. С. 21.

Список литературы

1. Welsch W. *Undoing Aesthetics*. London, 1997. 209 с.
2. Люотар Ж.-Ф. *Anima minima // Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное*. СПб., 2004. С. 83–101.

References

1. Welsch W. *Undoing Aesthetics*. London, 1997. 209 p.
2. Lyotard J.-F. *Anima minima*. Rancière J. *Esteticheskoe bessoznatel'noe* [The Aesthetic Unconscious]. St. Petersburg, 2004, pp. 83–101.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.75

Aleksandr G. Vorotilin

Saint Petersburg State University
Mendeleevskaya liniya 5, St. Peterburg, 199034, Russian Federation;
e-mail: alvo09@mail.ru

AESTHETICIZATION OF SUBJECTIVE REALITY IN POSTMODERN PHILOSOPHY

This article discusses the reception of the notion of aesthesis in the philosophical tradition of the late 20th century. The multidimensional process of aestheticization of subjective reality, which in general is understood both as a representation and as ordering of the elements of social life by individual consciousness through the prism of art, the increasing autonomy of the sphere of the aesthetic proper, and virtualization of reality – all this had been studied by almost all existing schools of philosophy, which produced a great variety of ideological and terminological schemes postulating its grounds. The topicality of these issues is proved by the active debate that has captured the attention of the intellectual community. The aesthetic and the expansion of its disciplinary scope have not been studied thoroughly enough; however, the situation has gradually been changing. A univocal opinion about the axiological significance of aestheticization seems rather hard to develop, taking into account the great number of equally competent interpretations of the processual essence of the described events made by the representatives of different research traditions. The cognitive aspects of the analysed approaches could be conventionally divided into two parts: focusing on “aestheticization from the outside”, i.e. the phenomena and processes of the subject’s lifeworld that affect his/her existence, and “aestheticization from the inside”, i.e. changes in the subject’s sensual and rational structures and his/her activity according to the established beliefs. This research aims to analyse individual sensibility structures from various theoretical and methodological points of view (pragmatism and literary criticism) demonstrating metaparadigmatic propinquity to the comparative principles of modern science, providing a comprehensive understanding of the latest transformations in the aesthetic component of subjectivity, and allowing us to establish conceptual continuity in the evaluation of the observed phenomena.

Keywords: *postmodern philosophy, aestheticization from the outside, aestheticization from the inside, subjective reality, individuation.*

Поступила: 13.02.2016
Received: 13 February 2016

For citation: Vorotilin A.G. Aestheticization of Subjective Reality in Postmodern Philosophy. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2016, no. 6, pp. 75–81. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.75.